

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Обзор российских интеллектуальных журналов

Сегодня на интеллектуальных журналах лежит бремя воспроизведения и поддержания культуры, поэтому важно браться за разнообразные темы, не ограничиваясь какой-либо специализацией. Так «Логос» посвящает номера двум юбилеям – Эвальда Ильенкова и Рене Жирара, «Versus» сосредоточивается на оптическом, обсуждает Паноптикон и кино, а «Ab Imperio» призывает вернуться к методологическим инновациям 2000-х.

В ЗАЩИТУ ОТВЕРГНУТЫХ

«Логос» (2024. № 2) сводит вместе разные темы: политическое состояние Европы, наследие Эвальда Ильенкова и русскую литературу. Открывается обсуждение блоком «Казус “Европа”».

ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ

Эмманюэль Тодд интерпретирует текущий военный конфликт в Европе как столкновение двух менталитетов, не понимающих друг друга на фундаментальном уровне. С одной стороны – постимперский менталитет европейских стран и США, обусловленный, помимо прочего, упадком идеи национального государства (с. 13–15), с другой – стратегический реализм национальных государств (с. 9, 11–12).

«Ни та ни другая [сторона] не отражает реальность в полной мере, поскольку первая не смогла понять, что Запад больше не состоит из национальных государств, что он стал чем-то другим; а вторая перестала воспринимать идею национального суверенитета» (с. 17).

В противоположность Тодду, стремящемуся встать над схваткой и выявить смысловую основу конфликта, Джон Миршаймер в рамках своего *наступательного реализма* (с. 30) видит причину текущего военного кризиса в последовательных расширениях НАТО (с. 38–40), которые принуждают державы конкурировать и конфликтовать друг с другом, стремясь к гегемонии. В картине анархического мира Миршаймера, где нет высшего авторитета (с. 23), «государства заботятся о силе, потому что она

увеличивает или максимизирует их шансы на выживание» (с. 22). В своем интервью Миршаймер обсуждает возможные сценарии развития военного конфликта России и Украины, а также проблему применения ядерного оружия.

На фоне этого конфликта с новой силой проявился провал Европейского союза, считает Хауке Ритц, различая его внутриполитическое измерение (провал демократии и республиканизма во внутренних структурах ЕС) и внешнеполитическое (ухудшение отношений между Германией (Европой), Западом и Россией, а также конфликт на Украине). Проект Европы, искусственно ограниченный экстенсивным развитием через расширение, исключением России из архитектуры безопасности и подражанием «американскому миру», якобы был инструментализирован и, в конечном счете, предан. Ритц настаивает на том, что Европа заинтересована в хороших отношениях с Россией (с. 71).

Книгу об этом Ритц написал в соавторстве с профессором Ульrike Геро, которую вскоре после публикации уволили из Боннского университета. Кейсу этого увольнения и представляющей им тенденции посвящена статья Хайке Эгнера и Анке Уленвинкель. Опираясь на работу Макса Вебера «Наука как призвание и профессия», они обсуждают актуальный конфликт между академическими свободами и навязыванием мейнстримной политической повестки. Этот конфликт осложняется тем, что немецкие университеты (как и российские, заметим) – институции государственные, а профессора – служащие. На основе изучения 49 случаев увольнения или понижения в должности немецких профессоров авторы показывают, что сопротивляющиеся навязыванию мейнстримной интерпретации маркируются как «спорные» или «идеологически строптивые» и подвергаются внутриуниверситетским расследованиям и атакам в медиа.

«Мы дошли до такой науки, которая больше не предоставляет индивидам и обществу рамок, внутри которых действия – также обосновываемые и в моральном плане – могут быть отрефлексированы и оправданы. Вместо этого мы имеем дело с наукой, которая формуется политикой. [...] Подлинная же наука (в веберовском смысле), напротив, живет разногласиями: ученому должно быть позволено думать и говорить вещи, которые не обязательно приемлемы для большинства. [...] Вовсе не обязательно разделять содержательную позицию профессора Геро, чтобы возмущаться тем, как с ней обращаются, и протестовать против этого посягательства на конституционно гарантированную свободу науки» (с. 83–84).

В центре внимания авторов проблема: как возможно сегодня отстаивать право университета на позитивные разногласия и право профессоров на альтернативную точку зрения, продвигая инновационные идеи или нетрадиционные взгляды? Более подробный анализ самого дела профессора Геро читатель найдет в статье Роберто де Лапуэнте. Он приходит к интересному выводу:

«[Вытесняемые из университетов ученые попадают] в тот сегмент общества, представителей которого в ходе поляризованной дискуссии о коронавирусе стали негативным и исключающим образом именовать “инакомыслящими”. [...] Произошедшее свело вместе людей, которые до пандемии никогда не нашли бы друг друга. Неожиданно возникли альянсы и сообщества, прежде казавшиеся немыслимыми, классические политические категории правых и левых перемешались и – по крайней мере на мгновение – стали бессодержательными» (с. 110–111).

Второй блок номера, «Ильенков», приурочен к юбилею советского философа (стоит отметить, что в 2009 году выходит специальный номер «Логоса», посвященный Ильенкову). Редакторы-составители пишут:

«Столетний юбилей Эвальда Ильенкова – хороший повод поговорить не только о нем, но и вообще о недогматическом марксизме в Советском Союзе. И не будет преувеличением сказать, что трагическая судьба философа оказалась своего рода метафорой судьбы марксизма в СССР. [...] Мы снова обнаруживаем, насколько нам необходимо, насколько спасительно диалектическое мышление» (с. 135, 136).

Ильенковское мышление, считают они, – пример теории, самообновляющейся при столкновении с реальностью. Сегодня необходимо преодолеть сомнения в «познании как *инструменте преобразующего действия*», неразделимости абстрактного и конкретного в совокупной общественной практике. «Теория тут значима именно потому и постольку, поскольку работает в жесткой цепке с конкретным знанием, помогая практически изменять общество и мир вокруг нас» (с. 137).

Блок открывает статья Анны Очкной, посвященная биографии философа и контексту его работы. Также здесь анализируется один из его основных трудов – «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении», – представляющая собой переработку марксистской диалектики. В центре внимания Очкной – категория идеального и роль общественной практики в конституировании человека.

«Преобразующая, творческая деятельность – не по логике биологических потребностей, а по логике культуры – есть сущность человека, его “всеобщее”, его идеал. И так же, как меняются условия, содержание и характер этой преобразующей деятельности, меняется сущность человека, приближающаяся к своему идеалу настолько, насколько его деятельность приближается к свободному, творческому труду, продиктованному мотивами созидания, а не выживания» (с. 165).

Рустем Вахитов продолжает обсуждение категории идеального и особое внимание

уделяет дискуссии Ильенкова и Давида Дубровского. Если первый защищал объективность идеального, то второй отстаивал его субъективность. По мнению Вахитова, эта дискуссия была столкновением оттепели, с ее либеральным марксизмом и верностью классической культуре (с. 181–183), с застоем, с его цинизмом, разочарованием в идеалах и нравственным релятивизмом (с. 183–186).

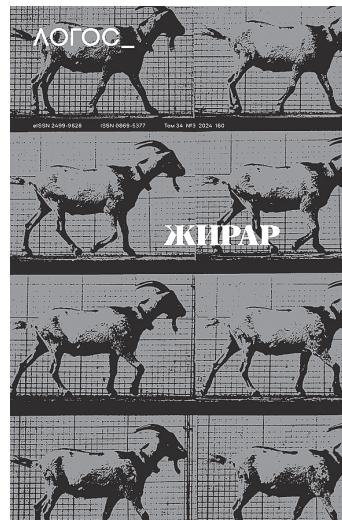
«Спор между ильенковцами и дубровцами – казалось бы, сугубо философский спор! – был отражением противостояния социализма и растущего исподволь капитализма, с его позитивистскими и индивидуалистическими тенденциями, противостояния коллективизма и индивидуализма, пробивавшегося сквозь оболочку социалистической культуры. Более того, он был еще и спором между классикой и софистикой в новых их обличьях» (с. 187).

Исследованиям советской философии часто недостает сопоставления с западными современниками. Этот пробел берется исправить Степан Межуев. Он выстраивает теоретический диалог между советскими философами культуры (Владимир Библер, Вадим Межуев, Наль Злобин, Моисей Каган, Арнольд Арнольдов) и итальянскими постоперистами (Антонио Негри, Паоло Вирно, Франко Берарди, Маурицио Лаззарато) вокруг человека культуры или постиндустриального работника как главной фигуры постфордистского производства.

ЖЕЛАТЬ И ПОДРАЖАТЬ

«Логос» (2024. № 3) полностью посвящен миметической теории Рене Жирара, которому в 2023 году исполнилось сто лет. Как замечает в предисловии редактор-составитель Алексей Зыгмонт, эта теория – «всеобъемлющая концепция человеческих отношений, общества и культуры» (с. 1). Стоит привести здесь ее краткое изложение:

«Человеческое желание является миметическим, то есть подражательным: человек стремится к объекту, потому что “подглядел” это желание у другого человека, который служит ему образцом. Подражание между людьми приводит к конфликту, который вскоре неизбежно охватывает все сообщество; с целью спастись от этой тотальности насилия люди произвольно находят козла отпущения и обращают насилие всех против всех в насилие всех против одного; жертва единодушного убийства обожествляется, а сам этот акт кладется в основу всей человеческой культуры. На протяжении веков культура управляет этим архаическим священным, произошедшим от насилия, пока ее не разоблачают иудеохристианское откровение и смерть Христа, обнажившая единодушие гонителей и насильтственные истоки общества, но также и открывшая миру подлинного – святого, а не священного – Бога, который занимает сторону жертв и насилию чужд. Из-за упадка архаического священного, которое сдерживало насилие, соперничество между людьми и государствами нарастает, и начиная с XVIII века мир неуклонно движется к апокалипсису – пирровой победе человеческого, а не божественного насилия» (с. 1).

У этой концепции, по словам Зыгмента, невероятно широкий спектр применения – явления, где присутствуют подражание,

двойничество, жертва и насилия или кого-нибудь изгоняют. Например, наскальная живопись, литература, международные отношения и голливудская продукция. Сегодня миметическая теория развивается очень многими исследователями, корректируется с учетом новейших научных данных (нейронауки, археологии, религиоведения...), проникает во все новые сферы и дисциплины. Это «сеть из сетей, исследовательская программа, удобный аналитический инструмент, вызов для теологии, философия для жизни и много всего другого» (с. 3). Собственно, многообразным применением этого инструмента и посвящен номер.

Подробнее об этом – в статье Вольфганга Палафера, посвященной объяснительной силе миметической теории и обзору новейших случаев ее использования в спектре от исследований кино до приматологии (с. 8). Влиянию Жирара на теологию и исследования религии посвящен текст Майкла Кирвана, который считает его «теологически осмысленным антропологом» (с. 32, 37) и исследует как собственные идеи Жирара, так и их рецепцию теологами:

«Консолидация миметической теории как “теологически осмысленной антропологии” ставит два набора задач. Первая (по аналогии с историей дарвиновской теории) – это кропотливое накопление антропологических фактов, способных подтвердить миметические интуиции и превратить всю теорию из “эвристического мифа” в рабочую научную гипотезу. Более простая задача, с другой стороны, стоит перед теологами: им следует переосмыслить Библию и всю богословскую традицию в новом свете, позволив миметическим интуициям освежить и обновить жизни христиан» (с. 46).

Марта Рейнеке радикально меняет направленность обсуждения и выясняет эвристический потенциал миметической теории в феминизме и пользу для нее феминистских теорий. Если в первом случае Жирар предлагает убедительную критику

политики идентичности, распространенной в феминистской теории, то во втором случае феминизм помогает жирафианцам понять и осмыслить роль чувственного опыта (с. 55).

Статья Жан-Мишеля Угуляя посвящена синтезу миметической теории с психологией и психиатрией. В центре его внимания «интердивидуальная психология», занимающаяся становлением самости в перспективе социальных отношений. В свою очередь миметическая психотерапия выстраивается вокруг желания и его появления в результате копирования, вокруг признания и не-признания Другого в качестве подлинного источника желания, а также забывания и припомнения его происхождения. Продолжение терапевтической темы читатель найдет в работе Марыси Пророковой и Василия Радаева. Она посвящена нарративной теории и возможности ее усиления при помощи теории Жирара:

«Жираровская оптика и нарративная оптика представляются нам теоретическими и практическими союзниками в поле поиска новых способов взаимодействия с насилием – способов в широком смысле инклюзивных, не подразумевающих изоляцию и ostracism» (с. 168).

Одна из существенных составных частей миметической теории – идея, что иудеохристианское открытие ненасильственности теснит насилие и архаическое священное, являющееся, согласно теории, залогом социальной стабильности. Это ведет к нестабильности, в перспективе которой – апокалипсис. Скотт Кауделл исследует в этой оптике эпоху постправды – фейковых новостей, политического популизма и культурных войн.

Завершается номер критической статьей Алексея Зыгмента, развивающего и дополняющего теорию Жирара при помощи понятия *мученичества*. Последнее понимается как еще одна парадигма жертвенности на-

ряду с учредительным убийством. Она возникает как инновация христианства и вытесняет само учредительное убийство:

«“Жертвоприношение” не цельный феномен, а скорее набор парадигм, имеющих отношение в том числе к проблематике основания чего-либо: человек воспринимает окружающий мир, социальный порядок в целом или свое конкретное сообщество как что-то настолько “угрожаемое”, что ему требуется фундамент в виде смерти и крови. Одна из этих парадигм, рассмотренная Жираром – учредительное убийство, – в ходе исторического процесса начала эродировать и была почти полностью вытеснена другой – мученичеством. При этом они вступали между собой в диалог и находятся в сложном отношении преемственности и разрыва» (с. 197).

производства и потребления – вместо того, чтобы рассматривать само произведение как замкнутое на себя целое» (с. 50).

ВОКРУГ КИНО

«*Versus*» (2023. № 4) обращается к исследованиям кино. Номер открывает блок, посвященный методологии современных *cinema studies*. В кино есть особый саморефлексивный жанр – *метакинематограф*, в котором разоблачается постановочность действия на экране. Распространению данного жанра в США в 1990-е посвящено исследование Веры Потаповой, которая – вслед за Филиппом Уэгнером – видит причины этого в ситуации неопределенности после окончания «холодной войны», высвободившей «радикальную политическую энергию» (с. 9). Рост популярности метакино – следствие попыток через отстранение критически посмотреть на реальность и побудить зрителя к политическому действию. Таким образом, обсуждение начинается с политической интерпретации кинематографа.

Арсений Платонов обращается к концепции кодирования/декодирования Стюарта Холла и ее эвристическим возможностям в исследованиях кино. «Данная концепция позволяет интегрировать фильм в цепочку

Зачастую новые жанры появляются не с новаторскими фильмами, а как следствие аналитической и конструктивной работы ученых и критиков (с. 60–61). Так получилось в случае субжанра фолк-хоррора. Как показывает Александр Павлов, он был изобретен ученым Адамом Сковеллом (2017) применительно к британскому кинематографу, затем подхвачен другими исследователями и распространен на другие национальные кинематографы и даже медиумы (музыку, мультфильмы, литературу). Тематику хоррора продолжает Василиса Шпоть, сосредоточиваясь на франшизации этого жанра. Она анализирует трансформацию опыта взаимодействия фандома с франшизами в контексте цифрового капитализма:

«Действия поклонников в интернете, и, в частности, в социальных медиа, обеспечивает дополнительный и очень эффективный канал для разного рода компаний, связанных с культурными и креативными индустриями» (с. 88).

Второй блок номера, «Женское мужское кино», посвящен гендерному аспекту кине-

матографа. Наталья Синеокая указывает на то, что с начала XXI века все больше фильмов, рассчитанных на женскую аудиторию, приобретают статус *культового кино*, который традиционно атрибутировался «мужским» фильмам. Это обусловлено повышением доступности фильмов благодаря интернету и академической критикой *маскулинности* культового кинематографа и самой критики. Последней и посвящена статья Синеокой, подобнее разбирающей кейс «Титаника». В свою очередь Екатерина Быковская анализирует кинофраншизу «Сумерки» – в частности, процесс формирования ее культового статуса вопреки популярности и мейнстримности.

Ольга Шипачева переключает внимание на феномен *femme fatale* в неонуаре. Этот образ в исследовании Шипачевой раздваивается. В одних случаях он существует в границах кинематографических конвенций (тайна, обман, манипулятивная сексуальность), но в других – подвергается переосмыслинию через апелляции к власти, женственности и желанию. Это переосмысливание ведет к усилению антифеминистского характера образа.

«Сексуальность проявляется более откровенно, чем в нуаре, но в итоге сдерживается самими женщинами. Вместо того, чтобы воплощать зло, эти персонажи, наоборот, оказываются подавленными и депривированными» (с. 191).

Исследование Софья Беньяминовой посвящено трансформации другого женского кинообраза – вампириши. Традиционно женщина-вампир нарушала нормы женственности, обличая таким образом угнетение женщин доминирующей патриархальной идеологией. В XXI веке этот образ меняется под влиянием четвертой волны феминизма, расширения возможностей реализации женщины в киноиндустрии в качестве режиссера и сценариста, становления женской готики.

«Пространство постфеминистской готики дает женщинам-вампирам возможность не только заявить о себе и защитить свои права, но и поставить под сомнение прошлые готические нарративы, а также традиционные женские роли. Конвенции постфеминистской готики предполагают проявление монструозно-фемининного – эстетической формы выражения женского бунта против консервативных ценностей патриархата. Большинство героинь получают силу, чтобы противостоять не просто одному мужчине, но обществу как таковому. [...] При этом защищаются не только права женщин, но и права социально уязвимых меньшинств, полноправие которых также становится под сомнение патриархальной идеологией» (с. 213).

Завершается номер традиционным для журнала фрагментом «Книги пассажей» Вальтера Беньямина. Это конволют G, посвященный всемирным выставкам, рекламе и художнику Жану Гранвилю.

ИМЕНЕМ ПАНОПТИКОНА

«*Versus*» (2024. № 5) посвящен пространствам в широком смысле – от тюрем и домов до городов и торговых центров. Первый блок номера посвящен идеям Иеремии Бентама и начинается с его работы «Паноптикон, или Надзорный дом» (1787). В ней излагается план архитектурного устройства заведений, где «люди должны находиться под наблюдением» (с. 38) – тюрем, ночлежных домов, лазаретов, больниц, школ, работных домов, сумасшедших домов:

«Очевидно, что во всех этих случаях чем с большим постоянством лица, которые должны находиться под надзором, находятся в поле зрения тех, кто должен за ними надзирать, тем полнее будет достигнута цель учреждения. Идеальное совершенство, будь оно целью, потребовало бы, чтобы каждый человек действительно находился в таком положении каждый момент време-

ни. Поскольку это невозможно, следующее, чего следует желать, состоит в том, чтобы в каждый момент времени, имея основания так считать и не имея возможности убедить себя в обратном, он представлял, что находится в таком положении» (с. 41).

Надзиратель при этом должен видеть, оставаясь невидимым (с. 49). В этом смысле в центре идеи Бентама вымысел, фикция. Воплощается это, вкратце, следующим образом:

«Здание круглое.

По окружности расположены апартаменты для заключенных. Назовите их, если угодно, *камерами*.

Эти камеры отделены друг от друга, и заключенные таким образом изолированы от всякого общения между собой *перегородками* в форме радиусов, идущих от окружности к центру и простирающихся на столько футов, сколько считается необходимым для того, чтобы образовать камеру наибольшего размера.

Апартамент надзирателя находится в центре; если угодно, можно назвать его *надзирательской* (*inspector's lodge*).

В большинстве, если не во всех случаях, будет удобно иметь свободное пространство, или *площадь*, по всему периметру между таким центром и такой окружностью. Можно назвать его, если угодно, *промежу-*

точным, или кольцевым, пространством» (с. 42).

Как показывает Миран Божович, Паноптикон имеет структуру спектакля или сценического эффекта (с. 79): исполняемое в нем наказание – *зрелище* и должно произвести наибольший эффект на других, то есть на общество в целом, при этом причиняя как можно меньше страданий самим заключенным (иначе сокращением их счастья уменьшится и совокупное счастье общества). «Основная цель наказания – сдерживание невиновных – достигается при помощи самой видимости, то есть путем пробуждения идеи наказания в умах невиновных». Цель – достичь «наибольшего видимого страдания при наименьшем реальном страдании» (с. 80). При этом фигура надзирателя занимает место Бога (с. 88), поскольку его невидимость для заключенных поддерживает его вседесущность (с. 85–86). Последние воображают надзирателя смотрящим на них.

Идея Паноптикона впервые возникла у брата Иеремии Бентама – Сэмюэля – кораблестроителя, инженера и изобретателя. До сих пор является малоизвестным фактом, что братья приняли участие в постройке здания по этой модели – в Санкт-Петербурге на Охте в 1806 году (сгорело в 1818-м). Это был Паноптический институт, или Коллегия искусств:

«[Предназначенная] для обучения воспитанников в возрасте от 7 до 22 лет различным ремеслам: изготовлению физических, оптических и математических инструментов и компасов, производству парусины, шляп, чулок, кож на манер английских и изготовлению из них помп, сапожному ремеслу, витью веревок, пошиву парусов и “разных одежд”, токарному и столярному делу, а также типографскому ремеслу» (с. 111).

Предполагалось построить такие институты и в других приморских городах. Этой

истории посвящен текст Роджера Бартлетта. Тематику изобретений продолжает Роберт Лоуи: его статья посвящена анализу влияния технологических изобретений и инноваций на развитие человеческих цивилизаций.

Второй блок посвящен производству пространства и пространству потребления города. Обзор современной урбанистики как науки и ее взаимодействия с другими дисциплинами читатель найдет в тексте Вадима Россмана.

Города не только растут, но и приходят в запустение. Этому явлению посвящена статья Анны Тарасовой. Она исследует феномен заброшенного торгового центра и его представленность в медиа (музыке, кино, визуальной культуре). Если действующий торговый центр представляет собой «псевдоколлективное пространство», которое скорее усугубляет взаимную изоляцию покупателей, чем преодолевает ее (с. 214), то с умирающим моллом дело обстоит иначе. Многослойное и противоречивое переживание, которое человек испытывает внутри умирающего торгового центра, становится почвой для поддержания социальных связей (с. 215).

Другому городскому феномену – хипстерству – посвящена статья Тары Семпл. В своем эмпирическом исследовании в Берлине она сосредоточивается на производимом хипстерами пространстве и его материальности.

В заключение публикуется очередной фрагмент «Книги пассажей» Беньямина. Продолжая пространственную тему номера, он посвящен интерьерам и следу.

Антиэссенциализм 2000-х сегодня

«*Ab Imperio*» (2024. № 1) посвящен возврату к методологическим инновациям 2000-х. В редакторском предисловии отмечается:

«Сегодня мы наблюдаем массовое стремление вернуться к методологическому национализму и нативизму ранних национальных историографий после 1991 года, но с одним отличием: то, что раньше было наивным выбором, вызванным отсутствием новых методологий, теперь зачастую является сознательной позицией, подкрепленной модной теоретической риторикой» (с. 20).

Несмотря на то, что золотой канон историографии северной Евразии (Терри Мартин, Стивен Коткин, Франсин Хирш и другие) заложил основы движения прочь от эссециализма времен «холодной войны», последний просто сменил схему и процветает:

«Однородно тоталитарное советское общество было переосмыслено как столь же гомогенное общество альтернативной советской модернсти – в равной степени обнаруживаемой в деревне и в Кремле, в Москве и в Ташкенте; нарратив о всемогущем самодержавном государстве уступил место “имагологии власти” в Российской империи, под которой по-прежнему понималось государство этнических русских; а систематическое игнорирование преимущественно нерусского по составу населения политий региона сменилось столь же эксклюзивными и эссециалистскими национальными нарративами» (с. 20).

Поэтому, когда случились события последних трех лет, «произошло быстрое и беспроблемное восстановление старой догмы: российская история – это история тюрьмы народов и империалистической экспансии» (с. 21). Старый национализм обновился под лозунгом деколонизации. Произошел, с точки зрения редакторов, «реакционный поворот к неоэссециализму» (с. 21), в связи с чем они предлагают вернуться к полузабытым наработкам начала 2000-х для исправления ситуации и «рывка вперед». Это, например, статья Дэвида Чиони Мура «Является ли

пост- в постколониальном пост- в постсоветском? К глобальной постколониальной критике» (2001), в которой он объединил в единой концептуальной рамке две ключевые теоретические парадигмы – постсоветскую и постколониальную, – создав более сложную и чуткую оптику. При этом, правда, игнорировались другие важные эпистемологические инновации того времени: критическая теория наций и национализма и деконструкция империи как аналитической категории.

В номере публикуется новая статья Мура, посвященная пересмотру и развитию собственных идей двадцатилетней давности. Он разбирает семантику и практику применения категории «постсоветский» в сравнении с наиболее распространенными ее альтернативами – «посткоммунистический» и «постсоциалистический» – и прослеживает основные траектории постколониальности на постсоветском пространстве. Предлагается альтернатива продвигаемому в американской академии переориентированию исследования постсоветского пространства на «внутренний и внешний Юг» ради «дериусификации» этой научной дисциплины. В этом повороте и проявляется методологический национализм как следствие забвения наработок 2000-х.

Примеры неэссенциалистского исследования обществ бывшего советского региона представлены в разделе «История». Они посвящены субалтерным (подчиненным) группам, борющимся с угнетением. В конце каждого текста – интервью с автором о его интеллектуальной траектории.

Так, Игорь Кузинер исследует модерный медиафеномен «Красной смерти», распространившийся в Российской империи в последние десятилетия ее существования. Это слух о человеческих жертвоприношениях старообрядцев – в частности, удушении старообрядцами-странниками («бегунами») единоверцев красной подушкой. Было нескольких судебных процессов и уголовных

расследований по обвинению в ритуальном убийстве; этот слух освещался местными и центральными газетами и даже научными журналами как достоверный факт.

Однако на рубеже веков характер публичного обсуждения радикально изменился. Обвинения в ритуальном убийстве начали получать отпор со стороны комментаторов и экспертов – как левых, так и правых. Дело в том, что странники были переосмыслены в контексте национализации Российской империи: теперь их воспринимали как членов этнически русского большинства, пусть и несколько специфических. Легенда о «Красной смерти» вставала в один ряд с «Мултанским делом» против удмуртов, якобы практиковавших ритуальные убийства, и антисемитским «делом Бейлиса». Это уравнивало этнических русских с «национальными меньшинствами», поэтому русские националисты, независимо от своих политических взглядов, предпочли отрицать существование «Красной смерти» в принципе, чтобы не компрометировать претензии этнических русских как модерной нации на господствующую роль в империи. Кейс Кузинера ставит под вопрос такие кажущиеся самоочевидными и стабильными категории, как русскость, религия или милленализм.

В статье Мирлана Бектурсунова исследуется конфликт, сопряженный с советизацией кыргызского общества в 1920-е. Оно, в основном кочевое, не имело пролетариата как социальной базы нового режима, поэтому последнему пришлось использовать существующие родовые отношения. Традиционное кыргызское общество имело комплексную горизонтальную и вертикальную иерархическую структуру, частью которой было противостояние между традиционно бесправными и слабыми (букаринскими) и основными (манапскими) родами. Советский режим сделал ставку на букаринские роды в качестве своих классовых союзников в попытке создать своеобразный «ро-

довой пролетариат». Это способствовало сохранению родовой идентичности вплоть до настоящего времени. Такая политика проблематизирует простое отождествление постсоветской с постколониальностью.

Обсуждение проблем методологического национализма и эссенциализации новым поколением ученых продолжается в разделе «АВС». Он посвящен преподаванию истории Северной Евразии. Исмаил Бияшев публикует программу своего курса «Евразийские кочевники и кочевничество между империей и нацией (история управления разнообразием)». Автор представляет кочевников как комплексное и исторически развивающееся явление, которое нельзя описать как статичную вещь – вне конкретных исторических обстоятельств и межгрупповых отношений. Деколонизация осуществляется Бияшевым не политическими декларациями, а посредством эпистемологической работы на основе тщательного анализа исторических источников.

Также читателя наверняка заинтересует эссе Ильи Герасимова о постсоветской и постколониальности в двух последних романах Владимира Сорокина. В своей по-

пытке в очередной раз подвергнуть модерн критике со стороны постмодернизма тот создал скорее «постпостмодернистский» модернизм. В нем сочетаются многомерный взгляд постмодернизма на реальность и идея множественных темпоральных потоков и способность модернизма создавать связные нарративы.

«Как показали романы Сорокина начала и конца 1990-х, система антинормы нежизнеспособна в длительной перспективе и рано или поздно придется сформулировать позитивную и подлинно постпостмодернистскую повестку человеческого общества» (с. 183).

Представленное в рассмотренных журналах тематическое разнообразие, думается, помимо прочего, важно для подготовки новых исследователей и преподавателей, которые в новых и все более жестких условиях смогут за счет открытости и кругозора противостоять закостенению, однобоким интерпретациям и архаизации публичного образа гуманитарной науки, создаваемого властью.